

«Туруханский бунт» на страницах журнала «Сибирские вопросы» и в оценках современных исследователей

В.В. Кудряшов

Братский государственный университет, ул. Макаренко, 40, Братск, Россия
vas60kud@mail.ru

Статья поступила 10.09.2020, принята 15.09.2020

Статья посвящена историографическим аспектам так называемого «туруханского бунта». Автор сопоставляет точки зрения на события начала XX в. либерального журнала «Сибирские вопросы», позиции участника революционного движения, большевика Я.М. Свердлова и современных исследователей истории сибирской ссылки и политической полиции. Особое внимание уделено раскрытию позиции редакционного коллектива журнала в условиях политических репрессий после Первой русской революции. Автор указывает на близость оценок туруханских событий, которые дают исследователи советского и постсоветского периодов отечественной историографии сибирской политической ссылки.

Ключевые слова: Туруханск; ссылка; журнал «Сибирские вопросы»; исследования.

«Turukhansky riot» on the pages of the journal «The Siberian Issues» and in the assessments of modern researchers

V.V. Kudryashov

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia
vas60kud@mail.ru

Received 09.10.2020, accepted 09.15.2020

The article is devoted to the historiographic aspects of the so-called «Turukhansky riot». The author compares the point of view of the liberal journal "The Siberian Issues, the position of a participant in the revolutionary movement, namely, the Bolshevik Ya.M. Sverdlov, and the position of modern researchers of the history of Siberian exile and political police on the events of the early XX century. Particular attention is paid to revealing the position of the editorial staff of the journal in the conditions of political repression after the First Russian Revolution. The author points to the closeness of the assessments of the Turukhan events among the researchers of the Soviet and post-Soviet periods of the national historiography of Siberian political exile.

Keywords: Turukhansk; exile; «The Siberian Issues» journal; research.

«Туруханским бунтом» в отечественной историографии принято называть вооруженное выступление политических ссыльных на севере Енисейской губернии в конце 1908 — начале 1909 гг. Это выступление политических оппонентов царизма взволновало российскую общественность, что нашло отражение на страницах периодической печати, а правительство вынуждено было направить воинские подразделения на подавление беспорядков.

Одним из первых откликнулся на события в суровом сибирском крае журнал «Сибирские вопросы», который издавался в Санкт-Петербурге. Основное содержание его материалов было связано с Сибирью, авторами статей были сами сибиряки, стремившиеся обратить внимание центральных властей на положение дел в Сибири. Журнал не подвергался сибирской цензуре, таким

образом, здесь можно было публиковать критические материалы, широко обнародовать все злоупотребления сибирских властей.

История политической ссылки в Сибирь в до-революционный период являлась предметом пристального изучения советских историков, но тема мятежа ссыльных в Туруханском крае 1908–1909 гг. уделялось недостаточное внимание. На страницах журнала «Каторга и ссылка» были опубликованы воспоминания дожившего до победы революции участника событий Д. Ермаковского (позднее эти воспоминания вышли отдельным изданием). Только в постсоветский период при рассмотрении истории анархистского движения, террористической деятельности эсеров в России и Сибири к теме вооруженного выступления ссыльных обратились вновь. Накопленный материал позволяет сравнить подходы и оценки

событий зимы 1908–1909 гг. в Туруханском крае.

Современные исследователи приписывают громкое название трагических событий 1908–1909 гг. известному революционеру, одному из лидеров партии большевиков Я.М. Свердлову. Считается, что написанная им в 1915 г. в ссылке статья с одноименным названием, впервые опубликованная только в марте 1919 г. в газете «Известия», придала данным событиям определенную известность. На самом деле еще в 1909 г. на страницах журнала «Сибирские вопросы» были опубликованы материалы о жизни политических ссыльных в Туруханском крае, где употреблялся термин «бунт», а в 1910 г. вышли обширные статьи под заголовками «Туруханский бунт» (№ 34–35) и «Необходимое дополнение к “Туруханскому бунту”» (№ 45–46). Да и сам Я.М. Свердлов в своей статье отмечал: «официально же дело называлось “Туруханским бунтом”» [5, с. 37–45]. При написании статьи Свердлов использовал разнообразные материалы, в том числе рассказы местных жителей. Ведь один из основателей советского государства находился в ссылке в Туруханском крае в 1913–1917 гг. Надо отдать должное Якову Михайловичу: он подготовил обстоятельную статью, полностью раскрывающую неприглядную картину положения ссыльных, причины и сущность событий 1908–1909 гг.

Анализируя произошедшее, журнал «Сибирские вопросы» обратился к вопросу о положении ссыльных. В условиях подавления революции правительство стало распространять административную ссылку «на столь отдаленные и необитаемые места, каковым является Туруханский край» [7, № 3, с. 21]. По оценкам журнала, к декабрю 1908 г. в крае находилось около 700 ссыльных (8, № 45–46, с. 30). Край оказался перенаселен политическими ссыльными, к которым добавились квазиполитические, разные максималисты, анархисты, экспроприаторы и прочие элементы, ничего общего с политикой не имевшие, и уголовники с неприглядным прошлым. «Хулиганский элемент стал истинной язвой ссылки, с которой трудно было бороться мирному, желающему избежать всяких скандалов населению ссылки» [7, № 15, с. 5].

На этот же факт указывал в своей статье и Я.М. Свердлов: «Довольно часто попадались среди ссыльных, преимущественно административных, и чисто уголовные типы. Но, называясь административными, они сплошь и рядом сливались с общей ссыльной массой. Возникла масса трений между представителями различных групп. Анархистские элементы с присоединявшимися к ним уголовными и полууголовными составляли как бы воинственную часть ссылки» [5, с. 37–45].

Автор данной статьи в своей монографии указывал, что в условиях массовой ссылки среди по-

селенцев оказались «уголовно-политические». Это были случайные, разочаровавшиеся в революции люди, высланные в административном порядке по подозрению в анархистских выступлениях. Среди административно-ссыльных были и мелкие уголовники, вину которых полиция не смогла доказать, но постаралась избавиться, причислив к «политикам». Эта часть ссылки в условиях скудности средств и отсутствия занятий была склонна к хулиганским поступкам, прямым уголовным преступлениям, что осложняло взаимоотношения всех категорий ссыльных с местным населением. Ссыльный меньшевик Н.С. Клестов в одном из писем из Богучан Енисейского уезда в мае 1909 г. отмечал: «Сейчас в тюрьму и ссылку попадает такой сброд, что к нему невозможно предъявить обвинение в государственном преступлении... Половина политических ссыльных состоит из хулиганов, бандитов и просто уголовных» [4, с. 52, 53].

Иркутский историк И.П. Серебрянников в своей монографии отмечал, что «бывшие экзисты, шантажисты-грабители, оказавшись в ссылке в Восточной Сибири, не отказались от применения методов, присущих им до ареста, пытались продолжать совершение грабежей, прикрываясь революционными лозунгами» [6, с. 80].

Красноярский исследователь Д.А. Бакшт в своей статье также подчеркивает процесс смены потоков ссылки в межреволюционный период, ссылаясь на письмо одного из ссыльных Туруханского края: «Особенно много было хулиганского элемента среди “пионеров”, т. е. ссыльных призыва [19]06-[19]07-[19]08 годов. Какая масса разного сброда» [2, с. 508–521].

Журнал отмечал, что жизнь в суровом крае была крайне тяжелой, выбор занятий ограничен. Даже рабочему люду, ремесленникам невозможно было найти работу. Заработки были сезонными, порой случайными. Денег не хватало на всю зиму. Пособие административно ссыльным часто и по долгу задерживалось. Поэтому ссыльные часто голодали. Продуктов было мало, а цены на них были неимоверно высокими. Почта доставлялась в станки и села Туруханского края 1–2 раза в месяц, а в распутицу еще реже. При огромном стечении ссыльных стало не хватать жилья, политические вынуждены были селиться в тесноте рядом с подозрительными лицами, которые вели асоциальный образ жизни, не брезгуя кражами [7, № 3, с. 22, 23; № 15, с. 3, 4]. Все это отравляло жизнь ссыльных, делало их нервными и истеричными. «Ссыльнопоселенцы были обречены на медленное умирание», — приходил к выводу журнал «Сибирские вопросы» [8, № 45–46, с. 30].

Красноярские исследователи Т.Г. Карчаева, Д.Н. Гергилев, А.В. Суржко в своей статье подчеркнули, что «жизнь в Туруханском крае явля-

лась крайне тяжелой». Но неожиданно пришли к выводу: «Однако условия ссылки были приемлемыми по сравнению с другими, более суровыми местами. Так, например, по воспоминаниям очевидцев, ссыльным полагались жилье и содержание за государственный счет» [3].

В работах по изучению сибирской ссылки советские ученые всегда подчеркивали, что самые сложные условия ссылки были как раз в Туруханском крае и сопоставимой с ним Якутской области. Глухие сибирские деревни были переполнены ссыльными. По подсчетам Н.Н. Щербакова, в Туруханском крае 5 ссыльных приходилось на 4 двора [10, с. 119]. Э.Ш. Хазиахметов указывал, что административно-ссыльные получали «кормовое» и «квартирное» пособие, назначавшееся правительством. Размер его колебался в зависимости от социального происхождения и отдаленности места ссылки. Например, не привилегированные получали от 3 р. 30 коп. в Западной Сибири до 15–18 р. в Туруханском крае и Якутской области, привилегированные — от 6 до 22 р. 50 коп. соответственно. Ежегодно выдавали деньги на зимнюю и летнюю одежду. Но эти средства не покрывали даже половины минимальных расходов ссыльных. Правительство и местные власти часто задерживали и стремились сократить размеры казенных пособий [9, с. 180].

Одним из способов выживания в таких условиях было объединение ссыльных в колонии и взаимная материальная поддержка. С целью оказания помощи «лишенцам» в июле 1908 г. в с. Верхне-Инбатском состоялся съезд представителей колоний, созданных в селениях Туруханского края. Как отмечалось в журнале, «благодаря съезду для многих стала яснее картина жизни во всем крае, картина нужд его, и явилась возможность более целесообразного распределения средств общественной помощи» [7, № 15, с. 6].

Но наряду с обсуждением экономического вопроса на съезде развернулась острая политическая борьба, о чем не знал автор статьи в «Сибирских вопросах». Современные исследователи имеют в своем распоряжении и воспоминания участников тех событий, и архивные материалы. Д. Бакшт указывает, что на съезде произошел раскол на «эволюционеров» во главе с Я.Ф. Гиллоком и «боевиков» во главе с П.Д. Турчаниновым [1, с. 139]. Турчанинов объединил вокруг себя активную группу ссыльных. Он планировал установить связь с Якутской и Нарымской ссылкой и, захватив пароход, осуществить вооруженный побег весной 1909 г. И.П. Серебренников подчеркивал, что Турчанинов и его единомышленники «настаивали на необходимости насильственных действий против администрации и протеста против несвоевременной выдачи пособий посредством грабежей» [6, с. 86].

Катализатором туруханских событий стал «селивановский экс» — ограбление лавки английской фирмы «Рошет» в д. Селиванихе 29 августа 1908 г., где было похищено 11 тыс. р. Как отмечалось в «Сибирских вопросах», «это была первая ласточка грозящих событий: все поняли, что наступил поворот во всей жизни ссылки, начнутся преследования, будут репрессии, усилится надзор, весь режим станет строже» [7, № 15, с. 6]. Полиция предприняла меры по поимке грабителей, но только в декабре были арестованы подозреваемые. Об этом сообщал журнал «Сибирские вопросы» [7, № 15, с. 8]. Вооруженное нападение на конвой, освобождение арестованных привело к эскалации насилия со стороны неожиданно сложившейся «шайки разбойников», по определению редколлегии. Основываясь на показаниях свидетелей и пострадавших, журнал дал полную картину происходивших трагических событий. Направленные на подавление бунта стражники не церемонились, подвергая аресту и обыскам всех ссыльных, которые не поддержали беглецов и остались на местах причисления. Крестьяне, вынужденные заниматься гоньбой, озлобились на ссыльных и стали их «оговаривать самым возмутительным образом» [7, № 15, с. 12]. Сами бунтовщики возбуждали ненависть к себе своими действиями. Так, на станке Погорельском они сожгли дом крестьянина, который не согласился везти их в Тазовскую тундру [8, № 34–35, с. 45].

20 чел. из числа ссыльных станка Осинская были арестованы и направлены в Енисейск для допроса. Они преодолели 400 верст за 16 дней в условиях суровой зимней стужи. Уездная тюрьма после этого показалась им «желанным Иерусалимом» [7, № 15, с. 14]. Многочисленные партии арестованных ссыльных общей численностью до 150 чел. были доставлены в тюрьму и из других населенных пунктов Туруханского края. При рассказе о следовании ссыльных в Енисейск в статье сквозило явное сочувствие автора к арестованным [8, № 45–46, с. 37–41].

Обо всех подробностях «туруханского бунта» журнал рассказал в № 34–35 за 1910 г. Статья была написана на материалах обвинительного заключения. Журнал рассказал о приговоре в отношении обвиняемых, оставшихся в живых после подавления бунта: 4 были приговорены к смертной казни, 4 сосланы на каторжные работы [8, № 34–35, с. 46]. В статье также был поднят вопрос о судьбе привлеченных к суду так называемых пособников. Многие из них были оговорены, свидетели на судебном заседании отказывались от своих прежних показаний или вовсе не явились на слушания. В журнале была размещена небольшая заметка, в которой читателям сообщили, что 6 человек были оправданы, а 12 подсудимых приговорены к от-

бытию наказания в арестантских ротах [8, № 36, с. 22–23]. Приговор свидетельствовал о политической заданности процесса и его решения.

Как отмечают современные исследователи, на маршруте побега ссыльные совершали грабежи и экспроприации не только почты и местных торговцев, но и рядовых крестьян [6, с. 86–87; 3, с. 3]. В отношении представителей власти и полиции мятежники действовали жестоко, не останавливаясь перед убийствами. На этот факт указывали в материалах начала XX в., это же отмечают современные исследователи.

Общим для публикаций, разделенных столетием, является вопрос: почему подобное стало возможным? Как следует охарактеризовать произошедшие события? Журнал «Сибирские вопросы» держал руку на пульсе событий, пытался реагировать на новую информацию по делу. Редакция получала письма, частично их размещала, анализировала. Редакция признавала, что «закваска этого дела чисто уголовная, грабительская» [8, № 34–35, с. 53]. Шумиха вокруг «туруханского бунта», по оценке журнала, — «измышление тех, кому можно было погреться у столь крупного и шумного дела». Редакция полагала, что «с туруханскими днями схлынула накипь политической ссылки», и надеялась, что Россия сможет обойтись без подобных бунтов [8, № 34–35, с. 54]. Подводя итоги под темой, редакция полагала, что политическая ссылка к разбоям и убийствам не имела никакого отношения. Наоборот, лучшие силы ссылки пытались противодействовать, не допустить насилия. Но, не имея в руках оружия, противостоять бандитам было невозможно. Засорение мест ссылки бандитами и хулиганами со стороны властей породило туруханские события [8, № 45–46, с. 51].

К такому же выводу в своей статье пришел и Я.М. Свердлов. Сравнивая туруханское дело с Романовским протестом 1904 г. в Якутске, он отмечал: «Там совершенно не было и следа той уголовщины, которая проявилась в Туруханке. Характер протеста ссыльных носил строго выдержанный идейный отпечаток. Участниками были люди с твердым, выдержанным политическим убеждением. Не то здесь: идейный отпечаток был очень и очень слабо выражен во всей истории,

а физиономия большинства участников носила явный след бандитизма» [5, с. 35].

Д. Бакшт рассматривал тему и пытался ответить на вопросы с позиций карательного аппарата царской России. Он указал на мягкость отношения отдельного Туруханского пристава Л.Ф. Булевского к политическим ссыльным и слабость полицейского аппарата — как численную, так и кадровую [1, с. 138, 139]. Местный полицейский аппарат оказался неспособен подавить выступление в самом начале вследствие низкой дисциплины и малого опыта личного состава, а также из-за плохого вооружения и средств связи в крае. Главную роль в подавлении «бунта», по оценке Д. Бакшта, сыграла направленная в край военная команда, которая в короткие сроки пресекла преступную деятельность бандитов. Д. Бакшт пришел к выводу, что в межреволюционный период самодержавие находилось в полной зависимости от армии [1, с. 143], что подтвердили события 1917 г.

Т.Г. Карчаева, Д.Н. Гергилев, А.В. Суржко согласны с позицией Д. Бакшта. Но они полагают, что бунт стал возможным вследствие несовершенства государственного аппарата Российской империи. Поэтому авторы обращают внимание на проведенные после подавления бунта административные реформы по управлению Туруханским краем [3].

Подводя итоги, следует сказать, что оценки туруханских событий 1908–1909 гг. на страницах журнала «Сибирские вопросы», в статье Я.М. Свердлова, в исследованиях современных историков политической ссылки совпадают. Отличия заключаются в источниках. Журнал больше опирался на корреспонденции с мест событий, от политических ссыльных Туруханского края. Эти материалы носили более эмоциональный характер, что способствовало пробуждению общественного сознания и порождало сочувствие к жертвам произвола царских властей.

Современные исследователи располагают обширной источниковой базой. Они опираются на архивные материалы, опубликованные воспоминания непосредственных участников тех трагических событий. Выводы ученых имеют более взвешенные оценки, лишены эмоциональной окраски, дают возможность для дискуссий.

Литература

1. Бакшт Д.А. Подавление «Туруханского бунта»: карательный аппарат царской России за Полярным кругом // Сибирская ссылка. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 6 (18). С. 137–144.
2. Бакшт Д.А. Частные письма сибирских ссыльных о «Туруханском бунте». 1908–1912 гг. // Вестн. архивиста. 2018. № 2. С. 508–521.
3. Карчаева Т.Г., Гергилев Д.Н., Суржко А.В. Причины, ход, итоги «Туруханского бунта» 1908–1909 гг. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7. С. 94–98.
4. Кудряшов В.В. Меньшевики в восточносибирской ссылке (1907-фев. 1917 г.). Братск: ГОУ ВПО «БрГУ», 2008. 176 с.
5. Свердлов Я.М. Туруханский бунт // Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 32–45.
6. Серебренников И.П. Революционный террор в Восточной Сибири (1900 – фев. 1917 гг.) Иркутск: Изд-во Ирк. гос. пед. ун-та, 2002. 144 с.

7. Сибирские вопросы. 1909.
8. Сибирские вопросы. 1910.
9. Хазиахметов Э.Ш. Положение политссыльных Сибири между революциями 1905 и февраля 1917 гг. // Ссыльные революционеры в Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1974. Вып. 2. С. 175–193.
10. Щербаков Н.Н. Политические ссыльные как источник пополнения пролетариата Сибири (1907-1917 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. Вып. 7. С. 112–134.